

УДК 930.2:94(47).084; 811.511.14
DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-2-381-389

Хантыйский язык в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище, 1945–1950 годы

С. В. Онина

*Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
oninas@yandex.ru*

А. Г. Киселёв

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
kiselev1954@mail.ru*

Н. А. Дука

*Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Российская Федерация
duca_omsk@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Актуальные проблемы языковой политики чрезвычайно многоаспектны. В данной статье исследуется состояние преподавания хантыйского языка в Ханты-Мансийском педагогическом училище послевоенной поры, определяется его значение в репрезентациях педучилища как национального. Это расширяет наши представления о культурно-языковой ситуации в Ханты-Мансийском округе второй половины 40-х годов.

Цель: дать характеристику преподавания и определить роль хантыйского языка как культурно-образующего компонента национального учебного заведения – Ханты-Мансийского педагогического училища.

Материалы исследования: сводные данные об успеваемости, тексты диктантов на хантыйском языке выпускников педучилища 1950 года, программы и учебные пособия, характеристики выпускников и иная делопроизводственная документация училища, а также органов народного образования.

Результаты и научная новизна. На основе широкого круга ранее не использованных источников впервые установлено, что в послевоенные годы:

1) хантыйский язык (наряду с мансийским) являлся единственным основанием «национального» статуса Ханты-Мансийского педучилища;

2) названный статус воспринимался педколлективом скорее как декоративный, нежели сущностный;

3) отношение к хантыйскому как к языку и учебному предмету со стороны педколлектива было индифферентным и даже негативным, хотя и «маскировалось» время от времени «политическими» заявлениями руководства;

4) программы и пособия, по которым велось преподавание, способствуя воспитанию известного единообразия в письме и чтении, что было чрезвычайно важно для 40-х гг., изобиловали лакунами. Наряду с другими факторами это предопределило и характерные ошибки в письме, и невысокое качество знаний в целом.

Хантыйский язык, безусловно, адаптировался к социокультурным переменам, развивался, но «центр тяжести» его бытования, тем более в специфической училищной среде, задолго до «большой нефти» всё более смещался в культурные области индустриального общества.

Ключевые слова: хантыйский язык, среднеобской диалект, национальное педучилище, методика преподавания, оценивания знаний.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» по гранту № 17-02-07/53.

Для цитирования: Онина С. В., Киселев А. Г., Дука Н. А. Хантыйский язык в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище, 1945–1950 годы // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 381–389.

The Khanty language at the Khanty-Mansiysk National Pedagogical College, 1945–1950

S. V. Onina

*Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
oninas@yandex.ru*

A. G. Kiselev

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
kiselev1954@mail.ru*

N. A. Duka

*Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russian Federation,
duca_omsk@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: actual problems of language policy, its pedagogical aspect, including in historical retrospective are extremely multidimensional. We examine the process and results of teaching the Khanty language at the Khanty-Mansiysk Pedagogical College of the post-war era. It allows us to determine the place and role of the discipline “Khanty language” in the “design” and representations of the school as a national one, to specify our ideas about the cultural and linguistic situation in Khanty-Mansiysk National Okrug in the second half of the 40s.

Objective: to determine the role of the Khanty language as a cultural-forming component of the national educational institution – the Khanty-Mansiysk Pedagogical College.

Research materials: summary data on academic performance, texts of dictations in the Khanty language of 1950 College graduates, programs and textbooks, characteristics of graduates and other paperwork of the College, as well as public education authorities.

Results and novelty of the research: based on a wide range of sources first introduced into scientific circulation, it was established that in the post-war years the Khanty language (along with the Mansi one) was the only basis for the «national» status of the Khanty-Mansiysk Pedagogical Colleges. This status was perceived by the staff rather more decorative than essential.

The attitude to the Khanty language and educational subject on the part of the pedagogical collective was indifferent and even negative, although it was «masked» from time to time by «political» statements of the administration;

The programs and textbooks that were used for teaching, contributing to the formation of a certain uniformity in writing and reading, which was extremely important for the 40s, were full of gaps. Along with other factors, this has predetermined the typical errors in writing, and the low quality of knowledge in general.

The Khanty language, of course, has adapted and developed to sociocultural changes, but the “center of gravity” of its existence, especially in a specific college environment, long before the “big oil” shifted more and more to the cultural areas of industrial society.

Key words: Khanty language, Middle Ob dialect, National Pedagogical College, teaching methods, knowledge assessment.

For citation: Onina S. V., Kiselev A. G., Duka N. A. The Khanty language at the Khanty-Mansiysk National Pedagogical College, 1945–1950 // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2020; 10 (2): 381–389.

Введение

Актуальные проблемы языковой политики, её педагогического аспекта, в том числе в исторической ретроспективе, чрезвычайно многообразны. В данной статье исследуется состояние преподавания хантыйского языка в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище послевоенной поры, определяется его значение для конструирования и репрезентаций училища как национального. Это новое знание, в свою очередь, дополнит наши представления о культурно-языковой ситуации в Ханты-Мансийском национальном округе второй половины 40-х годов.

Вопросы преподавания хантыйского языка получили широкое освещение в методической литературе [7; 9; 16].

В современных зарубежных исследованиях проблемы, хотя и не связанные с хантыйским языком, но созвучные избранной теме пользуются устойчивым вниманием. Речь идёт, прежде всего, о проблеме двуязычия. Интерес представляют, в частности, работы Albert Costa, Mario Pannunzi, Gustavo Deco и Martin J. Pickering, R. Apodaca, T. Bernstein-Danis и S. Demartino, Muhammad Saleem Khan, Lanny Real Bird [12; 13; 14; 17].

Проблема сохранения национального в народном образовании в Ханты-Мансийском округе в послевоенный период поднята авторами этой статьи [5].

Материалы и методы

Источниками послужили:

– годовые письменные контрольные работы по хантыйскому языку, написанные учащимися

Ханты-Мансийского педагогического училища 1950 года выпуска, отметки и комментарии проверявших работы экзаменаторов. Всего проанализировано сохранившихся диктантов 1-го класса – 22, 2 класса – 27, 3 класса – 30 и 4 класса 28 диктантов;

– сводные данные об успеваемости 32 из 39 учащихся, почерпнутые из «Личных карточек» выпускников 1950 г.; они дают возможность проследить успехи каждого в освоении языка по четвертям первых двух лет, по полугодиям/семестрам – третьего и четвёртого годов обучения, а также по экзаменационным отметкам. Статистическая обработка личных карточек даёт материал для исследования зависимости успеваемости по хантыйскому языку от их общей успеваемости, успехах в изучении отдельных учебных предметов и их групп, от национальной принадлежности учащихся.

В качестве материалов привлекались:

– программы и учебное пособие П. К. Животикова по хантыйскому языку, использованные при анализе текста диктантов;

– делопроизводственная документация педучилища, прежде всего характеристики выпускников, а также Тюменского облоно и Минпроса РСФСР, проливающие свет на состояние изучения «родных языков».

Анализ и обобщение полученных данных, интерпретация их в новом контексте – культурно-языковой ситуации в Ханты-Мансийском национальном округе – стали главными методами работы.

Результаты

Изучение учебно-методических и делопроизводственных материалов показало:

1. Хантыйский язык (среднеобской диалект), письменный и устный, в педагогическом училище изучали все учащиеся дневного отделения выпуска 1950 г.: ханты, манси, русские, причём на протяжении всех четырёх, а некоторые и пяти (с учётом подготовительного 7-го класса) лет учёбы¹.

Как учебная дисциплина хантыйский язык занимал первую строчку учебного плана. Больше

учебного времени отводилось только на арифметику, русский язык и литературу².

Вместе с тем, училище работало по планам русских педучилищ, и хантыйский язык мог восприниматься в администрации и педколлективе как утяжеляющий учебный план «довесок». Хотя руководство при случае подчёркивало важность языка, периодически высказывалось за организацию его изучения педагогами, эта оценка разделялась немногими. Курсы изучения языка для преподавателей так и не собрались, никто кроме двоих преподавателей хантыйского языка его не знал³.

«Ввести изучение родного языка для преподавателей нет смысла – говорила В. Я. Дебулёва, – ханты язык беден, нет литературного хантыйского языка, нет вообще литературы на этом языке. Вообще ханты легко русифицируются. Словарный их запас ограничен». Директор Г. Т. Величко признавал: ... «[У нас] ведутся, как предметы, национальные языки. И то иногда учителя этих предметов и некоторые учащиеся с недоумением спрашивают, зачем им это!»⁴

2. Утверждённой Минпросом учебной программы по хантыйскому языку для педучилищ, в отличие от начальной национальной школы [11], не было⁵. В библиотеке Обско-угорского института хранится фрагмент рукописи программы, составленной доцентом Ленинградского университета Н. И. Терёшкиным. Очевидно, ожидалось её утверждение – в правом верхнем углу титула значится «Утверждаю... Заместитель министра Просвещения РСФСР А. Арсеньев, 29 августа 1949 года».

Можно предполагать, что занятия проводились по этой программе⁶. Удачная подача в ней уровней системы языка (фонетического, морфологического, синтаксического, лексического), грамматических классов и категорий не спасла её от существенных замечаний и в целом негативной оценки по причине «чрезвычайной перегруженности» «изучением грамматических форм и отрыва её от практики разговорного языка»⁷.

3. Несмотря на активизацию издания хантыйской учебной литературы во второй половине

¹ В этом отношении Ханты-Мансийское училище выгодно отличалось от некоторых других училищ Крайнего Севера. «В большинстве северных национальных педучилищ родной язык учащихся не изучается», – констатировал министр просвещения РСФСР в июле 1948 г. – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3330. Л. 97.

² Государственный архив Югры (ГАО). Ф. Р-42. Оп. 1. Д.36. Л. 98.

³ ГАО. Ф.Р-42. Оп. 1. Д. 32. Л. 6, 6 об., 28-28 об., 54 об.; Д. 23. Л. 121. Только в плане внеурочной работы за декабрь 1946 г. встречается описание двух предполагаемых занятий кружка по изучению языка.

⁴ ГАО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 32. Л. 6 об., 28.

⁵ Аналогичным образом обстояло дело и с программой по мансийскому языку в 1945-46 уч. году, когда он преподавался в училище. – Государственный архив Югры (ГАО). Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 22. Л. 3 об. Отсутствие учебных программ для педучилищ Севера в целом отмечалось в приказе Минпроса 14 июля 1946 г. – ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3330. Л. 97.

⁶ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5688. Л. 9.

⁷ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5688. Л. 18.

40-х гг. на среднеобском диалекте [6, 57], учебник по языку для педучилищ только планировался. «Очерк грамматики хантыйского языка» П. К. Животикова, изданный в 1942 г., оценивался неоднозначно. А. Н. Баландин называл «Очерк» ценным и очень важным пособием для подготовки национальных учительских кадров, не утратившим своего значения до середины 50-х гг., отмечая в то же время некоторые слабости «методологического порядка» и фактические погрешности. В отчёте Тюменского облоно «Очерк» критиковался за «теоретически неверные» положения⁸. Наряду с «Очерком» П. К. Животикова использовался и «устаревший», по оценке училищного отчёта 1948–49 уч. г., учебник для начальной школы⁹. В учебном заведении не было пособий «по улучшению методики преподавания хантыйского языка»¹⁰.

4. Преподаватели хантыйского языка в училище в названных отчётах получили двойственные характеристики. С одной стороны, внимание к «развитию письменной и устной речи учащихся», популяризация принципов «национальной политики партии большевиков»¹¹. С другой, недостатки в использовании диалектов¹², игнорирование «научно-исследовательской работы <...>, которую педучилище обязано вести»¹³. Разной была и теоретическая подготовка преподавателей.

Ведущий преподаватель хантыйского языка училища Т. И. Чупров в 1949 г. так описал свою профессиональную ситуацию: «Чувствую себя не на месте. Нет грамматики, методики хантыйского языка. Есть лишь брошюра Животикова П. К. До нынешнего года не было даже программы. Сейчас она есть, но в ней приводятся такие грамматические формы, которых я не слышал, хотя владею языком». Собственную методику он описал так: «Первые три года работы в училище¹⁴ я работу строил несколько иначе, чем теперь, то есть я текст диктовал, а затем учащиеся с хантыйского делали перевод на русский язык. Эта работа не составляла для учащихся большой трудности. Теперь же я изменил практику перевода. Сейчас я диктую русский текст, и учащиеся переводят

его на хантыйский язык. Эта работа значительно труднее. Учащиеся ещё недостаточно хорошо знают грамматику хантыйского языка и допускают много ошибок. <...> Необходимо проводить оба вида работ, хотя перевод с русского на хантыйский язык, безусловно, весьма ценный вид работы. Он даёт возможность учащимся ясно видеть, в чём их провал по знанию хантыйской грамматики»¹⁵.

5. В отчётных документах методика преподавания языка оценивалась противоречиво. Одобралось использование наглядных пособий, работа над формированием навыка чтения и пересказа-перевода¹⁶, различные практические работы (списывание с книги, составление рассказов, самостоятельная работа с текстом)¹⁷, заучивание стихотворений и отдельных отрывков¹⁸. Критически оценивалось то, что «изучается лишь грамматика и мало внимания обращается на разговорную речь»¹⁹, «мало ведётся практической работы по овладению языком, как ежедневные переводы (внеурочные)»²⁰.

Анализ текстов диктантов позволяет дать их характеристику и сформулировать некоторые оценки состояния, как самого среднеобского диалекта, так и его преподавания в училище.

6. В годовом диктанте 1-го класса «Товыя йита питыс» («Весна наступает») два предложения указывали на время года (снег растаял, птицы прилетели) и девять предложений на работу колхозников, северный завоз, выполнение плана и правительственную награду.

В диктанте 2-го класса «Нюрым мувны» («В тундре») в первых пяти предложениях рассказывалось о тундре и оленеводах, в следующих пяти – об их тяжёлой жизни до революции; завершался текст пятью предложениями о том, как советская власть сделала жизнь хорошей, о колхозах и сдаче государству рыбы.

Диктант 3-го класса – своеобразная агитка в пользу использования в пищу грибов – так и назывался «Толхыт» («Грибы»). В 4-ом выпускном классе речь шла о «встрече» («уйтантыпсы») Г. Ф. Байдукова со Сталиным.

⁸ Государственный архив Тюменской области. Ф. Р-1823. Оп. 1. Д. 82. Л. 23.; ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 37. Л. 33.

⁹ Использование этого учебника рекомендовал в своей программе Н. И. Терёшкин.

¹⁰ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5688. Л. 18.

¹¹ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5688. Л. 18. Идеино-политическая направленность преподавания рассматривалась в советской дидактике того времени, как первое условие высокой успеваемости учащихся [1, 329–330].

¹² ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 37. Л. 32, 33.

¹³ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5688. Л. 18.

¹⁴ Т. И. Чупров работал в училище с 1946 г.

¹⁵ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 32. Л. 32, 61.

¹⁶ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5688. Л. 18.

¹⁷ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 37. Л. 33.

¹⁸ ГАТюмО. Ф. Р-1823. Оп. 1. Д. 82. Л. 23.

¹⁹ ГАТюмО. Ф. Р-1823. Оп. 1. Д. 82. Л. 23.

²⁰ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 32. Л. 62 об.

7. В текстах диктантов хорошо видно некоторое единство требований, соответствующих нормам среднеобского диалекта и тогдашнему состоянию хантыйской письменности, с характерным слоговым принципом и использованием кириллической графики. В то же время просматривается и попытка сохранения противоречащего слоговому фонематического принципа [6, 55–57]. Так, с одной стороны, в текстах широко используется редуцированный гласный [э], передаваемый на письме через *ы*, с другой стороны – фонема [и] – гласный полного образования, обозначавшийся буквой *и*: *Пасан ухтыны йи-тып самолёт хорыт омыссыт* ‘На столе стояли модели нового самолёта’; *Инженерыт на лётчыкыт пунгыта омыссыт* ‘Около лётчиков сел’; *Сятсясет лыпыс*: – *Толхыт тэты ан рахыт*. ‘Бабушка говорит: – Грибы есть нельзя’.

8. При том, что тексты диктантов демонстрируют известную подготовку учащихся, знание правил, всё же налицо немало фактов ошибок в хантыйских текстах, отмеченных экзаменатором.

Наиболее распространёнными оказались ошибки написания:

а) *нг*-овых сочетаний (12 ошибок в 107 диктантах), связанных прежде всего, с отступлением от нормы графики на кириллической основе, не имеющей подобного знака алфавита²¹. Несмотря на освоенность специфичного заднеязычного, смычного $\eta = нг$, согласного звука, о чём свидетельствуют диктанты, многие учащиеся стереотипно использовали графему *н* на кириллице, вместо ожидаемого *нг*. В хантыйском языке существуют фонемы [ɲ] = *нг* и [н], которые необходимо было отмечать соответствующими графемами. Очевидно делающие ошибку учащиеся руководствовались «рациональным» правилом: одна фонема – одна буква, упуская, таким образом, различие между названными фонемами.

Графема *н* вместо *нг* в диктантах чаще всего встречалась в словах *кашин* (правильно *кашинг* ‘каждый’) и *вытэн* (правильно *вытэнг* ‘широкий’), реже в слове *анкет* (правильно *анкет* ‘мамы’). Изредка случалась и обратная ошибка, когда вместо *н* учащийся писал *нг*: *вангтым* (правильно *вантым* ‘увиденный’), *пасанг* (правильно *пасан* ‘стол’).

б) стечения согласных – 14 ошибок в 27 диктантах 2-го класса в слове *унттыйтсыт* ‘учились’ – ошибок, связанных с написанием непроизносимых согласных, нарушавших закон избегания стечения согласных, известный по

пособию П. К. Животикова: «в начале слова избегается стечение двух согласных, в середине и в конце – трёх согласных, иногда в конце слова даже двух согласных» [3, 26].

в) случая смягчения согласного в слове *инь-систэ* (7 ошибок в 28 диктантах 4-го класса), связанного с соблюдением нормы русского языка. Учítывая, что в хантыйском языке все согласные твёрдые, в том числе и среднеязычные *нь* [ń], *ль* [l̥], *ть* [t̥], *сь=щ* [s̥] [18, 69] очевидно, что требуемый экзаменатором мягкий знак соответствовал скорее нормам русского языка и фонетического письма.

г) сложных слов, требующих слитного или раздельного написания *вой/сух* (шкура зверя), *вытэнг/эх* (оленеводы), *сятсяси* (дедушка по линии отца) – 11 ошибок в 107 диктантах.

Необходимо отметить, что в хантыйском языке сложные слова могут писаться и слитно и раздельно. Слитное написание определяется главным образом признаком цельнооформленности слова – *сятсяси*, раздельное – меньшей спаянностью компонентов в семантическом отношении – *вытэнг эх*. [8, 275].

9. В переводах, которые выполнялись учащимися во время испытаний, экзаменатор требовал грамотности написания русского текста (налицо обилие ошибок, существенно снижавших общую отметку диктанта), верной передачи смысла, использования наиболее близких к хантыйскому оригиналу русских слов, нередко дословно. Так же очевидно, впрочем, что «литературный» перевод предпочитался «подстрочному».

В качестве собственно ошибок перевода чаще всего отмечались неверный по смыслу (21,1% всех подобных ошибок), а чаще «вольный» (28,6%) перевод, пропуски слов (9,5%), ошибки с глагольными временами (20,1%), числом (8,0%), родом (5%) падежом (4,5%).

10. Судя по отметкам и пометам экзаменатора в текстах диктантов, при определении отметки использовалась инструкция Управления педучилищ Минпроса РСФСР, предусматривавшая отличную отметку безукоризненно грамотного текста. При наличии в тексте не более одной орфографической и одной пунктуационной ошибок выставлялась хорошая отметка, а при их удвоении – тройка. Три ошибки в орфографии и пунктуации оценивались двойкой, большее количество ошибок – единицей²².

11. Испытания по хантыйскому языку сдавались письменно и устно. Именно умение/

²⁰ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 32. Л. 62 об.

²¹ Вопрос о введении специальной графемы обсуждался в кругу специалистов ещё до войны [2, 11–12].

неумение говорить по-хантыйски оценивалось администрацией и органами народного образования как главный итог изучения курса языка.²³

Материалов об устных экзаменах обнаружить не удалось. Известны лишь отметки из личных карточек выпускников. Обращают на себя внимание, как правило, более высокие отметки устных экзаменов в сравнении с письменными – у 24 из 32 учащихся²⁴.

12. При этом итоговая отметка в диплом по хантыйскому языку ставилась одна. В 1950 г. 13 выпускников получили «четвёрку» и 19 – «тройку».

Эти успехи частично соответствовали общей успеваемости выпускников – коэффициент корреляции между итоговой отметкой по хантыйскому языку и «средней общей» отметкой диплома составил 0,39. Лишь первые два обладателя наибольшей суммы экзаменационных отметок, в основном «четвёрок» и даже «пятерок» и по хантыйскому языку имели хорошие отметки; многие из лучших по общей успеваемости по хантыйскому языку имели «тройки».

Зависимости успехов в хантыйском языке с успеваемостью по отдельным дисциплинам или их группам установить не удалось²⁵.

Связь с половым составом учащихся не просматривается.

С известной осторожностью можно говорить о зависимости успехов от национальной принадлежности учащихся – ханты заметно выделялись лучшим знанием языка. Но надо иметь в виду, что их было всего пятеро. Из них с «тройкой» оказалась только одна учащаяся

(из Кондинского района), остальные четверо (трое из Микояновского, одна – из Самаровского района) получили хорошие отметки.

13. Качество обучения хантыйскому языку измерялось годовыми и итоговой отметками. При этом годовая в большей мере зависела от экзаменационной, в меньшей мере – от четвертных и семестровых оценок. Из полученных 32 выпускниками 1950 г. 136 годовых отметок по языку (письменно и устно) за 1946–1947 – 1948–1949 уч. г. только в 31 случае экзаменационный балл не совпадал с годовым, итоговым.

14. Так, у учащейся-ханты *N* в 1946–1947 – 1947–1948 уч. г. знания языка (письменно) восемь раз (!) оценивались на «отлично», между тем, на годовых экзаменах она получала «хорошо» – эта отметка и была выставлена за год. Годовая «четвёрка» у ещё одного учащегося ханты в 1946–1947 уч. г. сложилась из одной четвертной «четвёрки» и трёх четвертных «пятерок» – на «четыре» был сдан экзамен.

Работало это правило и в сторону повышения итогового балла. Одна из учащихся-ханты в 1946–1947 уч. г. имела четыре семестровые тройки и годовую «четвёрку» благодаря хорошо сданному экзамену.

В качестве крайних случаев, иллюстрирующих соотношение четвертных/семестровых, экзаменационных и итоговых отметок приведём данные об успеваемости двух учениц – ханты *N* и русской *O*, получивших в диплом одинаковую отметку по хантыйскому языку – «четыре» (см. таблицу 1).

Таблица № 1.

Соотношение четвертных/семестровых, экзаменационных и итоговых оценок

учебные годы	1946-47 уч. год						1947-48 уч. год						1948-49 уч. год				1949-50 уч. год					
	1	2	3	4	эк	год	1	2	3	4	эк	год	1	ит1	2	эк	ит2	1	ит1	эк	итог	
<i>N</i>	П	5	5	5	5	4	4	5	5	5	4	4	4	5	5	-	3	4	4	5	3	4
	У	4	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	-	5	5	5	4	5	
<i>O</i>	П	4	3	3	3	3	3	4	3	3	4	3	3	3	3	-	2	3	3	3	3	4
	У	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	-	3	3	3	3	4	

Примечание: П – письменно, У – устно, «эк» – экзаменационная, «год» – годовая, «ит1/2» – итоговая за семестры отметки.

Вместе с тем, «накопительный» подход к выведению итоговых оценок, хотя и реже, всё же имел место быть. У той же *N* этот подход очевиден при определении письменной отметки на третьем году обучения.

Наличие фактов значительного расхождения между четвертными/семестровыми и годовыми отметками, между ними, с одной стороны, и характеристиками владения языком выпускниками, с другой, а также фактов ошибок учащихся

²² ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.

²³ В характеристиках выпускников отмечается именно владение разговорной речью.

²⁴ Аналогичная ситуация наблюдалась и с успеваемостью по русскому языку. Ответы на устном экзамене в большей мере, нежели на письменном, могли «поддерживаться» учителем. «При устном ответе нетрудно увидеть, как ученик исправляет сделанную ошибку: по лёгкому ли намёку, или в результате ряда вспомогательных вопросов», – писал в 1946 г. М. И. Зарцкий [4, 408].

²⁵ Коэффициент корреляции оценок по хантыйскому языку – 0,52 с чистописанием и методикой, 0,38 – с анатомией и физиологией, 0,35 с зоологией и основами дарвинизма, видимо, случаен; коэффициент 0,43 – с методикой истории также вряд ли может быть убедительно обоснован.

в диктантах, не отмеченных экзаменатором, позволяет предполагать возможную небеспристрастность оценивания, указания на которую находим в свидетельствах коллег преподавателей хантыйского языка²⁶. Однако дефицит информации не позволяет разобрать вопрос о стратегиях оценивания знаний.

Обсуждение и заключение

Изучение хантыйского языка, прежде всего для русскоговорящих учащихся, давалось нелегко. По оценкам характеристик выпускников 1950 г., из 32 человек свободно/хорошо владели хантыйским лишь четверо (в том числе трое носителей – ханты), вполне удовлетворительно – пятеро учащихся.

При этом именно изучение хантыйского языка как предмета в первую очередь и сообщало педучилищу качество национального. «Пока в нашем училище национальное только то, что ведутся, как предметы, национальные языки», – признал в октябре 1949 г. директор училища Г. Т. Величко²⁷.

Хантыйские тексты диктантов – своеобразная фотография хантыйского языка второй половины 40-х гг. Мы видим сильную интерференцию и «иностранный» акцент в нём, связанные прежде всего со слабой изученностью (в программах, в учебном пособии не представлены категории рода, притяжательности, спряжения, образование глаголов с суффиксами залогового типа и акциональным значением и т.п.).

Для успешного овладения хантыйским языком важно было учитывать лингвистические различия между системами хантыйского и русского языков, что очевидно, делалось не всегда [15]. Из процесса обучения выпадал момент различия в языках, зачастую игнорировалось наличие или отсутствие фактов системы языка. Между тем, очевидно, что чем меньше систематизирован для сознания учащегося второй язык, тем сильнее интерференция и значительнее «иностранный» акцент в его речи.

Тексты диктантов подтверждают ранее высказывавшиеся оценки о состоянии хантыйского языка в том виде, как его в конце 30-х гг. описал Wolfgang Steinitz [18]. Его среднеобская разновидность отправилась в «Большое путешествие»

– превращение из местного диалекта в литературный хантыйский язык. Поэтому наряду с собственными сущностными признаками диалект отличался и известной внутренней динамикой:

а) обсуждался вопрос о создании собственной графики;

б) наблюдалась борьба слогового и фонематического начал;

в) происходило активное заимствование русских/советских лексем, органично осваивавшихся, адаптировавшихся к собственному строю и правилам [10, 256]: *колхозыт* ‘колхозы’, [*план*] *выполнитсет* ‘выполнили (они многие) план’, *государствоева* ‘государству (нашему)’;

г) соответствовал нормам хантыйского языка и порядок слов в предложениях, в том числе, повествующих о выполнении плана, испытании самолёта, приглашении в Кремль и т. п.: *Тант, сот, товар мунгева пароходытны тутыт* ‘Муку, соль, товар в наш округ пароходы привезут’; *Ий пуи, йитыт самолёт вантытым ювпины, маныт Кремля вохса* ‘Однажды после испытания самолёта, меня в Кремль позвали’.

Язык, безусловно, развивался, но это развитие было амбивалентным. Центр тяжести бытования языка смещался в культурные области индустриального общества, в нашем случае – в сферу специального образования, принципиально нового типа отношений между людьми. Другими словами, развитие языка «обещало» перемены несовместимые с существовавшей ещё, во всяком случае, в «глубинных районах», традицией. А именно последняя, как считают современные исследователи, и является единственным настоящим прибежищем этнической культуры и прежде всего самого языка коренных малочисленных народов Севера.

Важно отметить, что нами описана ситуация до эпохи «большой нефти», когда язык, как система продолжал изучаться лингвистами, одновременно оказавшись изгнанным из официального оборота, в том числе из системы образования. Наряду с «политическими» обстоятельствами [5] сказались «интернационалистские» настроения части педагогов, индифферентно и даже негативно настроенных в отношении хантыйского языка как учебного предмета.

Список источников и литературы

1. Данилов М. А. О путях повышения успеваемости учащихся в советской школе // Вопросы советской дидактики. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. Ч. 2. С. 315–345.
2. Ерныхова О. Д. Деятельность окружной комиссии по созданию литературного хантыйского языка и сбору фольклорного материала // Филологический аспект. 2019. № 9 (53). С. 5–13.

²⁶ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.

²⁷ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Л. 28 об.

3. Животиков П. К. Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обской диалект). Ханты-Мансийск: Окруж. ком. по разраб. лит. хант. яз. при Исполкоме Ханты-Мансийского Окрсвета Омской области, 1942. 122 с.
4. Зарецкий М. И. Основные вопросы учёта успеваемости учащихся // Вопросы советской дидактики. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. Ч. 2. С. 385–411.
5. Киселев А. Г., Онина С. В. Национальная – нерусская – русская: школа Югры в 40–50х годах XX века // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 577–587.
6. Кошкарёва Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013. № 3 (14). С. 47–78.
7. Нёмысова Е. А., Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н. Правила хантыйской орфографии. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2014. 164 с.
8. Онина С. В. К проблеме композитивных номинативных единиц хантыйского языка // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3. С. 270–277.
9. Онина С. В. Методика преподавания хантыйского языка (методические рекомендации). Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2009. 50 с.
10. Онина С. В. Освоение иноязычных вкраплений на структурном уровне современного хантыйского языка // Вестник ЧГПУ. 2012. № 2. С. 254–263.
11. Программа по хантыйскому языку для хантыйской начальной школы / сост. А. Л. Алелеков. М.: Учпедгиз, 1939. 30 с.
12. Apodaca R., Bernstein-Danis T., Demartino S. In their own words. How teachers can incorporate students' native language into the classroom // The Learning Professional. April 2019. Vol. 40. № 2. Pp. 37–41. URL: <https://www.focusenglish.com/> (дата обращения 5.12.2019).
13. Costa A., Pannunzi M., Deco G., Pickering M. J. Do Bilinguals Automatically Activate Their Native Language When They Are Not Using It? // Cognitive Science. 2017. Vol. 41. №. 6. Pp. 1629–1644. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/cogs.12434> (дата обращения 6.12.2019).
14. Lanny Real Bird. Reflections on Revitalizing and Reinforcing Native Languages and Cultures // Cogent Education. 2017. Vol. 4: 1371821. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/2331186X.2017.1371821> (дата обращения 3.12.2019).
15. Onyna S. Az interferencia megnyilvánulása a hanti-ország kétnyelvűségben // Folia Uralica Debreceniensia 16. Debrecen: Debrecen University Press, 2009. Pp. 91–97.
16. Onyna S. Szinjai hanti társalgási szótár (nyelvtani vázlattal és szójegyzékkel) / A bevezetőt írta: Csepregi Márta, Szerkesztette: Ruttkay-Miklán Eszter. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Finnugor Tanszéke és Numi-Tórem Finnugor Alapítvány, 2009. 87 p.
17. Saleem Khan Muhammad. The Impact of Native Language Use on Second Language Vocabulary Learning by Saudi EFL Students // English Language Teaching. 2016. Vol. 9. №. 5. Pp. 134–140.
18. Steinitz W. Хантыйский (остяцкий) язык // Ostjakologische Arbeiten. Band IV. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Mouton Publishers. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. Pp. 5–71.

References

1. Danilov M. A. *O putyah povysheniya uspevaemosti uchaschihsya v sovetskoj shkole* [About ways to improve student achievements in the Soviet school]. *Voprosy sovetskoj didaktiki* [Issues of Soviet didactics]. Moscow: Izd-vo APN RSFSR Publ., 1950. P. 2. pp. 315–345. (In Russian)
2. Ernykhova O. D. *Deyatel'nost' okruzhnoj komissii po sozdaniyu literaturnogo hantyskogo yazyka i sboru fol'klornogo materiala* [The activities of the Okrug Commission on the creation of the literary Khanty language and the collection of folklore material]. *Filologicheskij aspekt* [Philological aspect], 2019, no. 9 (53), pp. 5–13. (In Russian)
3. Zhivotikov P. K. *Oчерк grammatiki hantyskogo yazyka (sredne-obskoj dialekt)* [Khanty language grammar (the Middle Ob dialect)]. Khanty-Mansiysk: Okruzh. kom. po razrab. lit. hant. yaz. pri Ispolcome Hanty-Mansijskogo Okrsвета Omskoj oblasti Publ., 1942. 122 p. (In Russian)
4. Zaretskiy M. I. *Osnovnye voprosy uchyota uspevaemosti uchaschihsya* [The main issues of accounting of student achievements]. *Voprosy sovetskoj didaktiki* [Issues of Soviet didactics]. Moscow: Izd-vo APN RSFSR Publ., 1950. P. 2. pp. 385–411. (In Russian)
5. Kiselev A. G., Onina S. V. *Nacional'naya – nerusskaya – russkaya: shkola Yugry v 40–50h godah XX veka* [National – non-Russian – Russian: Yugra school in the 40–50s of the XX century]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (3), pp. 577–587. (In Russian)
6. Koshkareva N. B. *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya hantyskoj grafiki i orfografii* [Actual issues of improving of Khanty graphics and spelling]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 3, pp. 47–78. (In Russian)
7. Nyomysova E. A., Koshkareva N. B., Solovar V. N. *Pravila hantyskoj orfografii* [Rules of Khanty spelling]. Khanty-Mansiysk: Yugorskiy format Publ., 2014. 164 p. (In Russian)
8. Onina S. V. *K probleme kompozitivnykh nominativnykh edinit hantyskogo yazyka* [To the problem of composite nominative units of the Khanty language]. *Problemy istorii, filologii, kulturyi* [Problems of history, philology, culture], 2010, no. 3, pp. 270–277. (In Russian)
9. Onina S. V. *Metodika prepodavaniya hantyskogo yazyka (metodicheskie rekomendacii)* [Methods of teaching the Khanty language (guidelines)]. Khanty-Mansiysk: YuGU Publ., 2009. 50 p. (In Russian)

10. Onina S. V. *Osvoenie inoyazychnyh vkraplenij na strukturnom urovne sovremennogo hantyjskogo yazyka* [Mastering of foreign inclusions at the structural level of the modern Khanty language]. *Vestnik CHGPU* [Bulletin of CSPU], 2012, no. 2, pp. 254–263. (In Russian)

11. *Programma po hantyjskomu yazyku dlya hantyjskoj nachal'noj shkoly* [Khanty language program for Khanty elementary school]. Comp. by A. L. Alelekov. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1939. 30 p. (In Russian)

12. Apodaca R., Bernstein-Danis T., Demartino S. In their own words. How teachers can incorporate students' native language into the classroom. *The Learning Professional*, 2019, no. 40 (2), pp. 37–41. Available at: <https://www.focusenglish.com/> (accessed December 05, 2019). (In English)

13. Costa A., Pannunzi M., Deco G., Pickering M. J. Do Bilinguals Automatically Activate Their Native Language When They Are Not Using It? *Cognitive Science*, 2017, no. 41, pp. 1629–1644. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/cogs.12434> (accessed December 06, 2019). (In English)

14. Lanny Real Bird. Reflections on Revitalizing and Reinforcing Native Languages and Cultures. *Cogent Education*, 2017, 2017, no. 4: 1371821. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/2331186X.2017.1371821> (accessed December 03, 2019). (In English)

15. Onyna S. Az interferencia megnyilvánul a hanti-orosz kétnyelvűségben. *Folia Uralica Debreceniensia* 16. Debrecen: Debrecen University Press, 2009. pp. 91–97. (In Hungarian)

16. Onyna S. *Szinjai hanti társalgási szótár (nyelvtani vázlattal és szójegyzékkel)*. A bevezetőt írta: Csepregi Márta, Szerkesztette: Ruttkay-Miklián Eszter. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Finnugor Tanszéke és Numi-Tórem Finnugor Alapítvány, 2009. 87 p. (In Hungarian)

17. Saleem Khan Muhammad. The Impact of Native Language Use on Second Language Vocabulary Learning by Saudi EFL Students. *English Language Teaching*, 2016, no. 9 (5), pp. 134–140. (In English)

18. Steinitz W. *Хантыйский (остяцкий) язык*. Ostjakologische Arbeiten. Band IV. Beiträge zur Sprach-Wissenschaft und Ethnographie. Mouton Publishers. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. pp. 5–71. (In Russian, German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Онина Софья Владимировна, ведущий научный сотрудник, Югорский государственный университет (6280012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16), кандидат филологических наук.

oninas@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-3003-993X

Киселев Александр Георгиевич, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А), доктор исторических наук.

kiselev1954@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4677-5250

Дука Наталья Александровна, профессор кафедры педагогики, Омский государственный педагогический университет (644099, Российская Федерация, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, д. 14), кандидат педагогических наук.

duca_omsk@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-2874-5779

ABOUT THE AUTHORS

Onina Sofya Vladimirovna, Leading Researcher, Yugra State University (6280012, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhova st., 16), Candidate of Philological Sciences.

oninas@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-3003-993X

Kiselev Alexander Georgievich, Chief Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14 A), Doctor of Historical Sciences.

kiselev1954@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4677-5250

Duka Natalya Aleksandrovna, Professor of Department of Pedagogy, Omsk State Pedagogical University (644099, Russian Federation, Omsk, Tkhachevsky Embankment, 14), Candidate of Pedagogical Sciences.

duca_omsk@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-2874-5779